

ученичество пробудило во мне до сих пор не угасающий интерес к психологической проблематике сознания, который он деликатно поддерживал. Одной из самых больших ценностей в структуре его сознания была светлая радость *честной* мысли. Радостью Мераб называл чувство необратимой исполненности смысла, которым он щедро делился с многочисленными слушателями. Нужно сказать, что радость довольно странная, так как Мераб рассматривал акт думания как часть испытания нами нашей судьбы, а жуткий труд мысли уподоблял аду. Теперь-то мы знаем, чего ему стоили эта радость и его «сознание вслух». К нему вполне можно отнести слова любимого им Осипа Манделъштама:

Видно даром не проходит
Шевеленье эти губ.

В одной из своих лекций Мамардашвили говорил, что он рассматривает художественную литературу и поэзию как экспериментальную психологию. Я откликнулся на это сначала брошюрой «Возможна ли поэтическая антропология?», а затем книгой «Посох Манделъштама и трубка Мамардашвили». В последней я использовал размышления поэта и философа в качестве эвристик для решения некоторых психологических проблем. Потом, как мне кажется, я сделал следующий шаг (и да простят меня философы) стал рассматривать философию как экспериментальную психологию мышления и сознания. В конце концов, добротные психологические эксперименты есть дело мысли, а опыт истории психологии говорит о том, что многие из них задумывались философами.

2011

Комментарий психолога к *трудам и дням* Георгия Петровича Щедровицкого

Глашатай Больших Проблем

Георгий Петрович Щедровицкий принадлежал к так называемым решателям проблем и делателям решений. Вся его жизнь была направлена на то, чтобы увеличить число людей, умеющих профессионально, разумно и ответственно обращаться с проблемами и осуществлять решения, какими бы эти проблемы ни были, научными или практическими. Одна из рекомендаций Г. П. Щедровицкого (возможно, наивная) будущим решателям проблем состоит в том, чтобы *на себя оборотиться* — на свое собственное мышление, на свою собственную деятельность, а главное — понять мышление и деятельность как идеальные объекты, понять универсум мыследеятельности. Это очень трудная и очень полезная, хотя и с негарантированным результатом, работа. Ей нужно было учить и учиться самому. Привлечению единомышленников и расширению их круга, несомненно, способствовал его буйный научный темперамент, незаурядный педагогический талант и организаторские способности. Не последнюю роль играли сознание своей миссии и уверенность в себе. Что касается его организаторских талантов, то, с современной точки зрения, он был какой-то почти неправдоподобный *child-manager* — чистый, совестливый и бескорыстный. Его педагогический талант не был лишен лукавства, которое тонко подметил А. М. Пятигорский, описывающий свои первые подростковые опыты философствования («мыследеятельности») во взрослом сообществе: «Да очень просто, — отвечал я, предвосхищая в этом вступительном обороте ораторскую манеру моего будущего друга, мэтра московских методологов Георгия Петровича»¹. Иллюзия простоты и понятности в сочетании с ора-

¹ Пятигорский А. М. Философия одного переулка. М., 1992. Цит. по электронной версии: <http://www.shkp.ru/lib/archive/lect/11/1/copy_of_1>

торским даром, с несомненно присутствовавшими в нем элементами суггестии (видимо, искренней и произвольной), привлекали к нему многих, в том числе и наивно-невинных в философии и методологии. Надо ли говорить, что некоторые участники его Кружка так и не смогли расстаться со своей невинностью, усвоив и усугубив внешние черты поведения мэтра.

Будучи философом и ученым, он стремился обеспечить процедуры решения проблем и принятия решений соответствующим методологическим инструментарием. Как и полагалось в начале второй половины XX века, он еще искренне верил в науку, в научную организацию мышления и деятельности, заботился об эффективном развитии науки и ее практических приложений. Убеждение в том, что научную организацию человеческого бытия (которой, впрочем, никогда не было) сменит его тотальная методологическая организация, придет позднее. А до тех пор Г. П. Щедровицкий отстаивал научность философии и *научность науки*. Атмосфера существования науки тех лет требовала именно этого. В разное время разные люди характеризовали ее как атмосферу торжества *самозванцев мысли, красного нетерпения, обнаглевшего самосознания, практиков-практикантов и фельдшеризма, философии в повелительном наклонении, растлевающего дурмана, непрожеванной и непереваренной мысли, безусловной банальности, усредненной, смутной понятности, тупоумных теорий, трагического дилетантизма, не сезона для мысли...* Но мысли рождались, в том числе и *несезонные*. Задним числом, оценивая то время, с горечью убеждаешься, что наука может развиваться, а ученые — размножаться даже в неволе. Трудно переоценить и роль наших учителей, которые заслуживают отдельного разговора.

Конечно, в отстаивании научности философии и науки Г. П. Щедровицкий был не одинок. Наше и последующие поколения с благодарностью вспоминают, наряду с Георгием Петровичем, А. А. Зиновьева, Э. В. Ильенкова, В. И. Коровикова, Б. А. Грушина, М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорского, Б. С. Грязнова, Э. Г. Юдина и других. Одни из них наивно или — по-блоковски — считали (верили!), что с марксизма-ленинизма достаточно стереть *случайные черты*, и мы увидим — он *прекрасен*. Другие — также по-блоковски — предпочитали *свою обедню отслужить* и даже стать *новым иереем*. Так или иначе, но каждый по-своему и все вместе они очищали и расширяли наше сознание, отвращали от догматизма, учили строгости мышления и на своем примере показывали, что можно (!) думать и можно думать иначе. В Г. П. Щедровицком удивительным образом сочетались убежденный марксист и столь

же убежденный идеалист, в чем он, в отличие от официозных марксистов, не стеснялся признаваться и чему, по своему обыкновению, находил вполне рациональное объяснение. Видимо, это так и было. Мне кажется, что от идеализма он взял мышление, а от марксизма — его агрессивно-проектировочный, прожективный вектор.

Конечно, я не смогу сколько-нибудь точно датировать свои первые осмысленные встречи с Г. П. Щедровицким. Скорее могу вспомнить первые впечатления о нем, когда он пришел в 1949 году на второй курс философского факультета МГУ. Они весьма смутны и не слишком благоприятны, так как связаны с его чрезмерной общественной активностью. Таких я всегда инстинктивно сторонился. Когда же он переключил свою энергию на более мирные, научные цели, у меня начал просыпаться интерес к нему. Наше сближение началось уже после университета в 1953–1954 годах. В университетские годы я сблизился с психологом В. В. Давыдовым, философами Б. М. Пышковым, И. В. Блаубергом, В. П. Кешелавой, бывших, как Давыдов и Щедровицкий, моими однокашниками, а также с А. М. Пятигорским, А. А. Зиновьевым, которые были старше меня. Контакты и дружеские отношения с Э. В. Ильенковым, М. К. Мамардашвили установились позднее. Должен признаться, что все эти и другие контакты с философами, логиками на первых порах никак не были связаны со сколько-нибудь осознанными интересами к философии и тем более к методологии. Мне было приятно бывать с ними, узнавать, например, от А. А. Зиновьева, что *засуха в нашей стране оттого, что 200 миллионов набрали в рот воды и не выпускают*, или, что *пожар есть горение вещей, к сожжению не предназначенных*. Частенько наше общение трудно было назвать вполне трезвым. Пепси в Советском Союзе тогда не было, соответственно, и у нас не было выбора.

Когда Г. П. Щедровицкий начал формировать свой круг единомышленников, он пытался вовлечь в него и меня, что было задолго до оформления Московского методологического кружка. Но то ли он был недостаточно настойчив, то ли я — слишком увлечен экспериментальными исследованиями и поэтому неподатлив, попытка не удалась, что не помешало связывавшим нас в течение десятилетий дружеским отношениям. Мне было достаточно методологического руководства с его стороны в наших лыжных прогулках и байдарочных походах. Георгий Петрович был признанным всеми участниками Главным разъяснителем, и мы с восхищением, смешанным порой, с удивлением, воспринимали его категорические суждения, формулировавшиеся в виде законов, например: «Подметка — это *основа* ботинка!», «Береза *вообще* не сохнет — в этом

ее особенность!», «В бакалее *всегда* много народа!» и т. п. Несмотря на его апломб, мы не рисковали доверять ему руководство нашими вылазками. Начальником, который всегда прав, неизменно был его брат — Лев Петрович Щедровицкий.

Я был доброжелательным наблюдателем содержательной стороны его жизни. Иногда давал советы, некоторые он принимал, некоторые — нет. Иногда я помогал делом, порой успешно, порой — безуспешно. Наши отношения — сюжет для специального рассказа, на который, возможно, я когда-нибудь решусь. Здесь приведу лишь некоторые эпизоды. Щедровицкий с молодых лет отличался неправдоподобно высокой продуктивностью. Он говорил, что старается ежедневно писать две-три страницы текста, и рекомендовал мне делать то же самое. Я отшучивался, говоря нечто вроде того, что ты уже опоздал: чтобы догнать по продуктивности Вильгельма Вундта, тебе нужно было начинать со дня рождения. Я его явно недооценил: неполный «Архив Г. П. Щедровицкого» (1995) содержит 3553 единицы хранения. Первый вариант кандидатской диссертации Щедровицкого насчитывал свыше 900 страниц текста. В Ученом совете (кажется, Института философии АН СССР) ему сказали, чтобы из своего фолианта он извлек любую треть и этого будет более чем достаточно. По другой версии, ему сказали: таких диссертантов нужно душить в колыбели. Версии о том, что эта работа может защищаться как докторская, к сожалению, не последовало. Писать еще одну было глупо, и Георгий Петрович ограничился кандидатской.

Естественно, пространства журналов «Вопросы языкознания», «Вопросы философии», «Вопросы психологии» ему явно было мало. На его счастье, в 1957 году начали издаваться «Доклады АПН РСФСР». Главным редактором издания стал А. Р. Лурия. Проблема состояла в том, что любая статья должна была быть представлена членом Академии педагогических наук. При этом нужно было найти такого человека, который бы дал себе труд разобраться в нелегких для понимания текстах Г. П. Щедровицкого. Мы перебрали с ним несколько кандидатур и остановились на Петре Алексеевиче Шевареве — ученом старой закалки, строгом и ответственном, что контрастировало с его удивительной мягкостью и доброжелательностью. Я познакомил их. П. А. Шеварев согласился прочесть его первую статью «О возможных путях исследования мышления как деятельности» и — «*Коготок увяз...*». До сих пор я не знаю, чем нужно больше восхищаться: научной продуктивностью Щедровицкого или терпением и добросовестностью П. А. Шеварева. С 1957 по 1964 год Г. П. Щедровицкий самостоятельно и с соавторами

опубликовал в этом издании свыше 30 статей. В какой-то момент иссякло терпение у главного редактора. А. Р. Лурия при встрече попросил меня: «Передай своему приятелю Щедровицкому, что будет лучше для главного редактора, для “Докладов” и для автора, если он прекратит писать недоступные пониманию статьи». Все же А. Р. Лурии следует отдать должное. Он долго терпел «интеллектуальные безумства Г. П.» (выражение А. В. Запорожца, у которого в течение ряда лет в Институте дошкольного воспитания работал Щедровицкий). И А. Р. Лурию, и А. В. Запорожца трудно осуждать. По их словам, им и марксизм давался с трудом, как, впрочем, и мне, видимо, по наследству от моих учителей. Нужно отдать должное и Г. П. Щедровицкому. В 1978 году он посвятил памяти П. А. Шеварева свою работу — «Опыт логического анализа рассуждений» («Аристарх Самосский»), изданную лишь в 1997 году, и с большой теплотой рассказывал о нем в своих воспоминаниях.

Описанный эпизод интересен тем, что он иллюстрирует отношение к Г. П. Щедровицкому старшего поколения психологов. Это была смесь удивления и непонимания, восхищения и настороженности. Надолго запомнился случай, когда на одном представительном научном собрании в Психологическом институте Г. П. Щедровицкий публично обвинил докладчика в клевете. П. И. Размыслов, прославившийся еще в 1930-е годы зоологической ненавистью к Л. С. Выготскому, выступал с очередными инсинуациями в его адрес. Присутствовали многие ученики и соратники Выготского, но отреагировал лишь Георгий Петрович.

Известности Г. П. Щедровицкого среди сотрудников института способствовала его работа в Издательстве АПН РСФСР и в редакции журнала «Вопросы психологии». А. А. Смирнов и Б. М. Теплов обсуждали с ним вопрос о привлечении его к работе в Психологическом институте. Щедровицкий сам объяснил, почему этого не произошло: этих достойных людей настораживала его неуемная энергия и бескомпромиссность. А. А. Смирнов и Б. М. Теплов были старше и мудрее. Они опасались скандалов, на которые их толкал несомненно талантливый, но чрезмерно задорный и задиристый Г. П. Щедровицкий. Спустя многие годы, в 1980 году, он высказал сожаление, что не стал сотрудником института². Кто знает, может, это был плод минутного настроения. Трудно сказать, как бы сложилась его академическая карьера в психологии, но стойкий и *пристрастный* интерес к ней он сохранял всю жизнь. Думаю, что эта не скрываемая им *пристрастность* помешала постоянно озабо-

² Щедровицкий Г. П. Я всегда был идеалистом. М., 2001. С. 70.

ченному методологией А. Н. Леонтьеву привлечь Щедровицкого к преподаванию методологии психологии на факультете психологии МГУ. Он предпочел истинного философа-олимпийца М. К. Мамардашвили, говорившего о сложнейших проблемах психологии, умудряясь при этом вовсе не упоминать психологию как науку и никого из психологов.

Как бы то ни было, Психологический институт, директором которого был благороднейший А. А. Смирнов, в 1958 году на долгое время дал приют Комиссии по психологии мышления и логике, работавшей под патронажем все того же П. А. Шеварева и под фактическим руководством Г. П. Щедровицкого. В ее работу вовлекались более молодые поколения психологов, не только и даже не столько из числа работавших в Психологическом институте. Конечно, участвовали и не психологи!

Щедровицкий оказал огромное влияние на многие поколения психологов, работавших в его семинарах. Нужно было бы провести нечто вроде специального социологического исследования среди участников семинаров и среди тесно работавших с ним психологов над теми или иными проблемами. Возможно, такая работа будет проделана. Я же ограничусь одним примером. Сильный психолог — теоретик и практик — Ф. Е. Василук в предисловии к своей книге пишет: «Почти все методологические средства, которые используются в этой книге, были созданы работой знаменитого Московского методологического кружка под руководством Г. П. Щедровицкого. Мне довелось посещать кружок в середине 1970-х годов, и особенное влияние на мое мышление оказали тогда В. Я. Дубровский и О. И. Генисаретский, которых я считаю своими учителями в области методологии»³. Такое признание дорогого стоит. Думаящих психологов, в том числе и студентов, привлекали новизна, яркость, полемический талант, характерные для выступлений Г. П. Щедровицкого, неприятие им так называемых методологических принципов советской психологии. Особенно неприязненно он относился к принципу отражения. Его влияние на мышление ряда поколений психологов сравнимо по силе (но не по характеру) с влиянием М. Мамардашвили.

Конечно, было и остается влияние другого рода. Дальнейшее изложение будет представлять собой попытку анализа и оценки значения трудов Щедровицкого для психологии. На мой взгляд, центральные проблемы, которые на протяжении всей научной жизни волновали Г. П. Щедровицкого, это проблемы мышления

³ Василук Ф. Е. Методологический анализ в психологии. М., 2003. С. 7–8.

и деятельности. Хотя при их рассмотрении он чаще всего был настроен антипсихологически, именно здесь можно найти наиболее интересные и значительные для психологии результаты. В том числе значительные для ее теории и методологии. Хочу повиниться и предупредить, что, работая над настоящим текстом, я пользовался лишь доступными мне опубликованными материалами самого Щедровицкого и не обращался к работам его учеников и единомышленников. Не могу обещать, что в своих комментариях к ним мне удастся, несмотря на добрую о нем память и все мои старания, сохранить полную беспристрастность. В свое время кураторы науки из ЦК КПСС, ощущавшие себя полными хозяевами науки и жизни, укоряли меня в том, что я веду себя в психологии слишком похозяйски. На что я отвечал, что психология — это действительно мое дело.

Объективация субъективного

Г. П. Щедровицкий решительно постулировал, хотя и не сразу и не без колебаний, наличие *теоретического мира*. В 1989 году он, ссылаясь на К. Поппера, говорил, что его «принцип самостоятельного существования идеальных содержаний и сущностей отнюдь не смешон, не представляет собой идеалистической ошибки, а есть принцип жизненно важный, без которого развивать мышление и деятельность нельзя. Надо понять, что реально существуют сущности, или идеальные содержания, и это есть подлинный мир, а мир феноменальный — мир проявлений — есть, по сути дела, эпифеноменальный»⁴.

Здесь Щедровицкий категоричнее самого К. Поппера в его более ранних работах, на которые сам и ссылался. Лишь в 1998 году издана книга К. Поппера «Мир Парменида»⁵, где автор пишет, что Парменид был первым, кто стал явно утверждать, что существует теоретический мир как особая реальность, скрытая за феноменальным миром. Парменид впервые сформулировал критерий реальности, указывая на то, что подлинная реальность — это теоретический мир, который инвариантен по отношению к любым кажущимся изменениям⁶.

⁴ Щедровицкий Г. П. Перспективы и программы развития СМД-методологии // Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 565.

⁵ Popper K. The World of Parmenides. L.; N.-Y., 1989.

⁶ См.: Овчинников Н. Ф. Парменид — чудо античной мысли и непреходящая идея инвариантов // Вопросы философии. 2003. № 5. С. 83.

Согласно Пармениду, все, что реально, есть, должно быть вечным и неизменным и такое реальное бытие не может быть раскрыто посредством чувств. Внутренне противоречиво приписывать существование тому, что никогда не является одним и тем же в разное время, и непоследовательно утверждать, что любая существующая вещь возникает из ничего. Чтобы избежать этого тупика, нужно вывести чувственность из сферы реального существования, так как лишь ощущение проявляет такое непостоянство. То, что остается после отбрасывания ощущений, есть сфера абстракций — непоколебимых и вечных истин, если и являющихся доступными, то только для разума⁷. Здесь уже абстракция, идея более объективна, чем действующий на органы чувств объективный мир в привычном для нас смысле слова «объективность».

В 60-е годы XX века советские философы стали возвращаться к проблематике объективности идеального, утверждать существование *идеальных объектов, объектов знания*, образующих особую «действительность», которая существует наряду с эмпирическими объектами и является ничуть не меньшей реальностью, чем они⁸. Но Г. П. Щедровицкому было недостаточно признания мира идеальных объектов, мира теории. Он постулировал наличие *мира мышления* как «особой субстанции, существующей в социокультурном пространстве»⁹, то есть в пространстве *между* людьми, а не в голове отдельного человека. Он говорил, что мир мышления должен быть положен как новая реальность — отдельно от реальности материи и противостоящая ей¹⁰. Речь идет, по сути дела, об онтологии мышления, или о мире мышления. Впервые о мире мышления (и о мире деятельности) он писал в 1966 году, ссылаясь на В. фон Гумбольдта: «Принято считать, — говорил он <Гумбольдт>, что человек овладевает языком, но, может быть, правильнее сказать: язык овладевает человеком. <...> Затем эта мысль была распространена на мышление: не человек осуществляет мышление, а мышление использует человека как агента. Мышление как бы вбирается отдельным человеком, а потом в том же виде или с некоторыми изменениями передается дальше»¹¹.

⁷ См.: Робинсон Д. Интеллектуальная история психологии. М., 2003.

⁸ Ильенков Э. В. Идеальное // Философская энциклопедия. В 5 т. Т. 2. М., 1962. С. 225–226. Щедровицкий Г. П. Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 216–217.

⁹ Щедровицкий Г. П. Философия у нас есть // Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 10.

¹⁰ Там же.

¹¹ Щедровицкий Г. П. Теория деятельности и ее проблемы // Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 255.

Для психологии вся проблема в том, как оно «вбирается», в чем проявляется и как передается. Щедровицкий предлагал свой вариант решения проблемы, как передать детям новые способы мышления в процессе обучения: «Мы им передаем не процедуру Аристарха Самосского (она достаточно сложна и громоздка), а результаты дальнейшей обработки и анализа его процедуры. Это — некоторая искусственная процедура, обеспечивающая получение того же самого результата. Этот механизм как бы непрерывного снятия процессов, которые были уже реализованы, переведения реализованных процедур в набор средств и методов есть фактически *один из основных и важнейших механизмов развития нашей мыслительной деятельности и деятельности вообще*»¹².

Дело не в том, кем и когда впервые были высказаны идеи о мире языка, мире мышления, мире мудрости, мире чувств, мирах образов и образов действий. А дело в том, что Г. П. Щедровицкий проделал огромную работу по конструированию онтологических картин мира мышления, существующего не как психический процесс, а объективно, как субстанция особого рода. Он бы вполне мог повторить за своими друзьями (и моими тоже) М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорским: «Без онтологии тоска берет за горло».

Выделение перечисленных миров, находящихся не в голове отдельного человека, *не «между ушами»*, как пошутил один американский психолог, а объективно, есть необходимое условие развития культурно-исторической психологии в любых ее вариантах, в том числе и собственно психологического исследования индивидуального мышления, что мне хотелось бы особенно подчеркнуть. Но условие — это одно, а предмет исследования — совершенно другое. Изучение «бессубъектного мышления» и «бессубъектной деятельности» есть один из вариантов антипсихологизма, к которому призывал психологов Г. П. Щедровицкий, порой не слишком стесняясь в выражениях: «Я убежден, — категорично заявлял он, — что психика не есть качество или характеристика человека. Психика должна рассматриваться субстанционально, если мы хотим строить психику вне субъектов»¹³. И далее он говорит о том, что необходимо преодолеть «предваряющую, преждевременную материализацию (с разными вариациями — вроде той, что психика находится в голове у человека, и другой белиберды)»¹⁴.

¹² Там же. С. 261.

¹³ Щедровицкий Г. П. Перспективы и программы развития СМД-методологии // Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 578.

¹⁴ Там же.

Замечу, что «психика вне субъекта» если и не построена, то строится уже довольно давно. А. М. Пятигорский говорил, что еще буддийские философы понимали, что «психика как материал, предмет может описываться (исследоваться, созерцаться, наконец) и как непсихологическое»¹⁵. Автор замечает, что это соответствует Павловско-Шеррингтоновскому пониманию психики. Таким образом, названная предваряющей и преждевременной материализация психики, которой с момента своего возникновения занимается классическая, естественнонаучная психология, «преодолела» (и, на мой взгляд, преждевременно) античную идеализацию психики, т. е. представление о ней как о душе, в том числе и представление о ней как о качестве человека. Человек в естественнонаучной парадигме был заменен на субъекта, т. е. изолированную психическую функцию испытуемого в психологической лаборатории. По инерции (или инертности и нечувствительности к языку) подозрительные психологические субъекты до сих пор блуждают по страницам психологической литературы и вытесняют такие замечательные слова, как дитя, ребенок, человек, личность.

Г. П. Щедровицкий смешивает два вопроса: принадлежность психики и местопребывание психических актов. В конце концов, при всей ограниченности противопоставления объективного и субъективного, при том, что субъективное не менее объективно, чем так называемое объективное (это мотив А. А. Ухтомского), субъективное тоже нуждается в онтологических представлениях и картинах. И опыт их построения в психологии накапливается. Правда, наиболее детальные онтологические картины не столько субъективного (душевная жизнь) мира, сколько субъектного и даже бессубъектного (психика) миров. Таковы модели когнитивных процессов, модели построения движений, в которых человек редуцирован к субъекту-функции. Очень постепенно в них вводятся такие отчетливо психологические феномены, как образ ситуации, образ требуемого действия, образ собственных возможностей его осуществления. Бессубъектные онтологические картины начинают одушевляться и отличаться от машинообразных прототипов. Наиболее интересные онтологические представления о психике могут быть построены на пересечении двух путей — объективации субъективного и субъективации объективного (это мотив Г. Г. Шпета).

Один из моих любимых учителей П. Я. Гальперин (не слишком чтимый Г. П. Щедровицким) видел будущее психологии в том, что она станет объективной наукой о субъективном мире челове-

¹⁵ Пятигорский А. М. Лекции по буддийской философии // Ахутин А. В., Библихин В. В., Пятигорский А. М. Философия на троих. Рига, 2000. С. 350.

ка (и животных). И такой мир действительно есть. Иное дело, что в нем от Другого, от других, от коллектива, от «собора со всеми», а что от самого себя? Г. Г. Шпет, завершая обсуждение вопроса о том, чье сознание, пишет: «В конце концов, хитро не “собор со всеми” держать, а себя найти мимо собора, найти себя в своей, имьярековой свободе, а не соборной»¹⁶. Между прочим, Г. П. Щедровицкий такой «хитростью» и такой свободой обладал в полной мере, особенно если учесть социальную ситуацию, в которой ему довелось жить и работать. Мне кажется, что онтологическая картина мышления, будь оно индивидуальное, коллективное или «чистое», без интуиции, страсти, хитрости, свободы, едва ли будет полной. Важно подчеркнуть, что онтологическую картину мира мышления Г. П. Щедровицкий начал строить не сразу, а с исследования индивидуальных процессов мышления *per se* и попыток их онтологизации. Первые результаты такой работы публиковались, начиная с 1957 года (совместно с Н. Г. Алексеевым), в упомянутых «Докладах АПН РСФСР».

Мышление как субстанция в предмете психологии мышления

В настоящем контексте не столь важна проблема онтологизации индивидуального мышления по сравнению с утверждениями о субстанциональности и объективности мира мышления в целом. Здесь самое время обратиться к культурно-исторической психологии в версии Л. С. Выготского и отношения к ней Г. П. Щедровицкого, которое не было простым и однозначным. Мне даже кажется, что Щедровицкий не заметил в ней главного, и его в какой-то мере оправдывает то, что положения Л. С. Выготского об идеальной форме долгие годы не замечались соратниками и последователями самого Выготского, пожалуй, кроме Д. Б. Эльконина.

Г. П. Щедровицкий отдавал должное идеям Выготского о единицах анализа психики, о взаимоотношениях мышления и речи, о функциональной роли игры в развитии ребенка и т. д. Мимоходом, в контексте размышлений о знаке, он отметил важность психологического направления Л. С. Выготского, в котором знак рассматривается как средство (или «орудие»), включающееся в поведение индивида и перестраивающее его¹⁷. Наибольшей похвалы от Ще-

¹⁶ Шпет Г. Г. Сознание и его собственник // Шпет Г. Г. *Philosophia Natalis*. Избранные труды по философии культуры. М., 2006. С. 310.

¹⁷ Щедровицкий Г. П. К характеристике основных направлений исследования знака в логике, психологии и языкознании // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 516.

дровицкого Выготский удостоился за «антипсихологизм». Остановимся на этом подробнее. С точки зрения Щедровицкого, концептуализм, или субъективно-психологическое понимание мышления, берущее начало с Абельяра, есть «величайшая и самая значительная по своим последствиям научная ошибка в последнюю тысячу лет»¹⁸. Он считает, что история методологических исследований XVIII–XIX столетий — это история непрерывных колебаний между внешне-объективным и субъективно-психологическим пониманием мышления. Лишь в первой четверти XX века происходит резкое отвержение и разрушение субъективно-психологической точки зрения, выдвижение на передний план «логицизма»¹⁹. Под «психологизмом» Щедровицкий понимает переформулирование логических положений на язык так называемых «душевных», или «психических», явлений. Такая трактовка логических положений долгое время считалась оправданной, «так как все соглашались с тем, что значения знаков языка задаются человеческим пониманием и, следовательно, должны существовать в этом “понимательном аппарате”»²⁰. Далее Щедровицкий категорично утверждает, что психологизм ничего не дал теории мышления и даже не сумел выделить особого предмета психологической теории мышления. Развивая свою мысль, он положительно отзываясь о Вюрцбургской школе, гештальтпсихологии, школах Ж. Пиаже и Л. С. Выготского — *антагонистов психологизма*. Для всех этих школ, исключая гештальтпсихологию, отправной точкой явились знаки, их «значение» и «смысл», их употребление в деятельности людей. Из перечисленных научных школ Щедровицкий все же выделяет Выготского и его учеников, но с некоторыми оговорками: «Анализ употребления знаков в деятельности и их влияния на структуру поведения, обещавший богатые результаты, очень скоро выдвинул на передний план вопрос, что такое значение знака, а затем — с той же необходимостью вопрос об отношении знака к действительности, к объективному миру, т. е. вопрос традиционно логический. Психологическое исследование знаков и мышления как особого рода знакового поведения оказалось зависимым от логических понятий; предмет психологической теории мышления, намечавшийся казалось столь естественно в первых работах, вдруг исчез и слился с предметом логической теории»²¹. Столь же суровой оценке подвер-

глись ученики Выготского, которые вовсе, по мнению Щедровицкого, потеряли мышление, а также П. Я. Гальперин и Ж. Пиаже.

Казалось бы, после столь суровых оценок автор должен был предложить свою версию предмета психологии мышления. Вместо этого он оправдывает тщетность усилий психологов, направленных на поиск (построение) такого предмета. Оказывается, что сама установка на создание особой и самостоятельной психологии мышления сомнительна. В лучшем случае такое возможно *после* логического анализа и описания мышления. И, наконец, методология в «повелительном наклонении» (выражение И. Г. Фихте): «... нет и не может быть особой психологической теории мышления, нет и не может существовать мышления как предмета чисто психологического анализа»²².

Щедровицкий суров не только по отношению к психологии. Он ведь согласен с В. С. Швыревым, что логика исследует не мышление, а правила формального выведения, и сам пишет о непригодности логики для исследования мышления²³. Но это относится лишь к традиционной, формальной логике и не относится к новой, содержательной, или содержательно-генетической логике, которую намеревался построить Щедровицкий как эмпирическую науку. Отрицание психологии мышления вполне логично, так как это расчищает дорогу для построения новой, эмпирической логики, предметом которой, в частности, выступают традиционные психологические проблемы: мышление как деятельность, выделение посредством нее определенного содержания, движение по этому содержанию и пр.²⁴ Я вовсе не отрицаю значения содержательно-генетических исследований Щедровицкого. Напротив, думаю, что их результаты полезно сопоставить с содержательно-генетическими или казуально-генетическими (Л. С. Выготский) исследованиями мышления, проведенными психологами.

Приведенные положения Щедровицкого о мышлении и роли психологии в его изучении датированы 1962 и 1964 годом. Но и спустя четверть века он не смягчил свою позицию. В 1989 году он сочувственно приводит слова Р. Д. Коллингвуда, что психология есть мошенничество XX века. Правда, Щедровицкий вносит поправку: не психология, а «психологические представления» — ибо психология очень важна и нужна. Ее вполне можно, как полагал

¹⁸ Щедровицкий Г. П. Методология науки, логика, теория мышления // Щедровицкий Г. П. *Философия. Наука. Методология*. М., 1997. С. 232.

¹⁹ Там же. С. 233.

²⁰ Там же. С. 235.

²¹ Там же. С. 237–238.

²² Там же. С. 239.

²³ Щедровицкий Г. П. О различии исходных понятий «формальной» и «содержательной» логик // Щедровицкий Г. П. *Избранные труды*. М., 1995. С. 37, 38.

²⁴ Там же. С. 38–39.

Щедровицкий, построить на основаниях СМД-методологии, и тогда будет настоящая, подлинная психология, потому что все, что существовало до этого, есть один сплошной психологизм без всякой психологии²⁵. В отстаивании такого взгляда на психологию Щедровицкий был последовательным и, по его словам, жестким и даже догматичным²⁶.

Однако приходится только сожалеть, что из его рассуждений о творческом мышлении исчезла тайна. А. Эйнштейн, перед тем как начать рассказывать М. Вертгеймеру о создании теории относительности, сказал, что он сомневается в том, что можно понять чудо мышления. Эйнштейн же без ложной скромности заявлял, что люди и без него додумались бы до частной теории относительности. А общая теория относительности — это факт его личной биографии. Без него ее не было бы.

Щедровицкий едва ли согласился с Эйнштейном, поскольку для него «человек вообще в мышлении ни при чем». Если человек в мышлении есть случайность, то зачем ему знать свое мышление или структуру мышления? Мышление действительно чудо! Оно и процесс, как утверждал С. Л. Рубинштейн, и эту точку зрения упорно отстаивал А. В. Брушлинский. Оно и деятельность, действие, как утверждал А. Бергсон, а вслед за ним очень многие, включая А. Н. Леонтьева и того же С. Л. Рубинштейна. Что касается Щедровицкого, то у него имеется аргументация как в пользу первого, так и в пользу второго утверждения. В одном случае он членит мышление на процессы, а последние — на операции и ставит задачу создания их алфавита. В другом случае он членит мышление на действия, а последние тоже на операции. При этом он решительно отвергает пригодность категории «процесс» для анализа деятельности, что вполне справедливо. Она не охватывает такие «вещи», как инсайт, событие, поступок, в которых присутствуют все три «цвета» времени: прошлое, настоящее, будущее. Но тогда возникает вопрос, какими категориями схватить реальность мышледеятельности.

Видимо, для мышледеятельности справедлив ответ, данный Щедровицким относительно деятельности. Последняя есть «структура, состоящая из разнородных элементов. Каждый ее элемент включен в свой особый закон развития, реализуемый с помощью специфических

²⁵ Щедровицкий Г. П. Смысл и значение // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 559.

²⁶ Щедровицкий Г. П. Что значит рассматривать «язык» как знаковую систему // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 542.

ческих механизмов. Закономерности деятельности могут быть поняты только тогда, когда мы берем эту структуру как целое»²⁷. Абстрактно это может быть и верно, во всяком случае, — просто. А конкретно-психологически, практически проблема в том, что не хотят разнородные элементы составлять целое. Для деятельности, как и для организма, действительны проблемы совместимости органов и тканей и отторжения чужеродного. Поэтому-то для психологии крайне важно обсуждение запутанной проблемы единиц анализа психики. И. М. Сеченов, возможно, наивно, но верно относил к элементам мысли не только чувственные ряды, но и ряды личного действия. На наличие элементов мысли в действии указывали Ч. Шеррингтон, С. Л. Рубинштейн, А. В. Запорожец.

Так что проблема мышледеятельности для психологии не нова. Иное дело, что путь *от действия к мысли*, намеченный А. Валлоном, не всегда достигает успеха. Элементы мысли не только развиваются, но и улетучиваются, деградируют. В итоге не мысль достигает планетарных масштабов, а глупость — геркулесовых столпов. Деятельность становится *иллюзорно-компенсаторной* (Б. С. Братусь), и вдохнуть в нее чужую мысль чрезвычайно трудно. Щедровицкий постоянно сталкивался с подобными трудностями на практике, поэтому он так часто возвращался к проблематике *оестествления* проектируемых им искусственных образований, что для психологии весьма поучительно. Оестествление — это преодоление надолгов и рвов опосредования и возврат к непосредственности, без которой невозможна интуиция.

Вернемся к рассуждениям Щедровицкого о Л. С. Выготском и культурно-исторической психологии. Мне не удалось найти в его трудах признания Выготского создателем последней. Он упоминается по важным, но все же частным для психологии вопросам. Щедровицкий обошел главную идею Выготского, состоящую в утверждении объективности аффективно-смысловых образований человеческого сознания, существующих вне каждого отдельного человека в виде произведений искусства. Выготский настойчиво подчеркивал, что такие образования существуют раньше, чем индивидуальные аффективно-смысловые образования. Первые представляют собой идеальную форму, своего рода *общественную технику чувств*, источник умных эмоций отдельного индивида. Мы можем назвать объективно существующие аффективно-смысловые образования (по аналогии с миром языка, миром теории) миром

²⁷ Щедровицкий Г. П. Теория деятельности и ее проблемы // Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 262.

аффектов и чувств, становящимся *образцом для дальнейшего человечества* (А. А. Ухтомский). Вслед за В. фон Гумбольдтом Выготский признавал наличие мира языка и называл его идеальной формой или культурой. Наличие подобных положений дало основания его ближайшему ученику и соратнику Д. Б. Эльконину утверждать новизну и неклассичность культурно-исторической психологии. В неявной форме у Выготского содержалось также признание объективно существующего мира идей, мира теории. Во всяком случае, иначе он не смог бы написать работу «Исторический смысл психологического кризиса», в которой он был почти столь же неласков к существующим в то время теориям психологии, как и Щедровицкий. Правда, у Выготского это не распространялось на всю психологию.

Конечно, идеи объективного существования мира аффектов, мира искусств сами по себе не новость. В. В. Кандинский задолго до Выготского писал, что произведение искусства, отделившись от художника (если угодно, это есть объективация субъективного), получает самостоятельную жизнь, обладает активными *силами* (О. Мандельштам назвал бы их приглашающими), живет, действует и участвует в созидании духовной атмосферы²⁸. Но Выготского лишь на первых порах его психологической карьеры, во время написания «Психологии искусства», интересовало строение объективно существующего аффективно-смыслового мира искусства. Затем его основной проблемой стало индивидуальное формирование субъективного мира и овладение им. Отсюда и «переход от интериндивидуального к интраиндивидуальному» (что эквивалентно бахтинскому диалогизму и ставшей позднее модной коммуникативности), и «извне — внутрь» (или понятие «интериоризации», наличие которого у него со всей категоричностью отрицал Щедровицкий), и понятие «деятельности» (наличие которого с не меньшей категоричностью отрицал А. В. Брушлинский), и т. п. Но главная интенция Выготского состояла в том, чтобы понять механизм субъективации объективного. Средством такого понимания стали понятия «орудийности», «инструментальности», «опосредствования», которые практически не встречаются у Щедровицкого. Отсюда интерес Выготского к орудиям, средствам медиации, к знаково-символической деятельности, к слову, к знаку, что больше всего привлекало Щедровицкого в нем. Но для Щедровицкого самым главным было понять реальность мышления, существующего как субстанция, независимо от того, есть люди или нет людей.

²⁸ Кандинский В. В. О духовном в искусстве. М., 1992. С. 99.

Признание или «учреждение» мира мышления, а затем и мира деятельности, признание их объективности не менее значимо для культурно-исторической психологии как «науки будущего» (М. Коул), чем признание Выготским объективности аффективно-смысловых образований. Но на этом сходство заканчивается.

Субъективный мир стоит наравне с объективным миром, будь последний природным или миром теории, миром мышления и т. п. А в каких отношениях окажутся объективный и субъективный миры, вопрос личной судьбы и обстоятельств. Для психологии — это не случай, а проблема, при решении которой возможны разные варианты. Конечно, человек так или иначе отражает объективный мир, с большим или меньшим успехом ориентируется и действует в нем. Носитель субъективного мира может дистанцироваться от объективного мира, породить иной мир, погружаться в него или объективировать, быть его хозяином или заложником, а то и жертвой. Испытывать внутреннюю клаустрофобию, бежать от себя, завоевывать свободу или бежать от нее. Ориентироваться в своем собственном мире (мирах!), а тем более овладеть им, жить в нем и с ним в мире никак не проще, чем жить в так называемом объективном мире. Если воспользоваться терминологией Щедровицкого, можно сказать, что игры с самим собой не проще, чем игры с природой или оргдеятельностные игры. В конце концов, не только последние представляют собой «средство деструктурирования предметных форм и способ выращивания новых форм организации коллективной деятельности»²⁹. Психологи всегда подозревали, что декомпозиция образа есть одновременно композиция действия, а декомпозиция посредством действия предметных форм есть композиция нового образа измененной тем же действием ситуации. И такие акты композиции и декомпозиции есть выращивание новых форм организации *индивидуальной* деятельности. Правда, психологи выражали это по-своему, а не в терминологии Щедровицкого.

Разумеется, легко заменить слово «психология» словечком «психологизм», равно как и объяснить реальный успех Выготского в развитии психологии тем, что он стал «антипсихологистом». Выготский не редуцировал все мышление к оперированию вещами и знаками. Чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно прочесть его поистине драматическое сочинение «Мышление и речь». Оно даже более драматично, чем его «Психология искусства». В последней мы имеем

²⁹ Щедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 293–294.

дело с драматизмом, так сказать, объективным, выступающим предметом анализа автора, а в «Мышлении и речи» просвечивает драма самого автора, осознававшего приближение конца и спешившего закончить книгу. Выготскому, судя по началу книги, действительно очень хотелось понять мышление как оперирование знаками, значениями, понятиями, и он вовсе не случайно придал значению статус единицы анализа речевого мышления, что неоднократно с одобрением отмечал Щедровицкий. Но логика исследования привела Выготского (не сразу и не прямо) к замене значения смыслом, что, впрочем, соответствовало его представлениям о смысловом строении сознания. Я уже не говорю о том, что Выготский, делая заключительный шаг в анализе речевого мышления, пишет: «Мысль еще не последняя инстанция в этом процессе. <...> За мыслью стоит аффективная и волевая тенденция»³⁰. Пользуясь терминологией Щедровицкого, можно было бы сказать, что антипсихологист Выготский стал подлинным психологом. Хотя я думаю, что если Выготский и заблуждался, то он заблуждался как психолог. Психологи — тоже люди!

Другое дело, что у Выготского не сходятся начало и конец книги, на что Щедровицкий не обратил внимания, а может быть — слукавил, так как смысл не поддается изображению в схемах и моделях СМД-методологии. Более того, понятие смысла, как мне кажется, крайне редко находится в пределах ее тезауруса. Интересна в этом отношении упомянутая выше работа об Аристархе Самосском. Обсуждая «основную линию» осуществления мышления и его «краевые процессы», Щедровицкий задается вопросами о том, что их объединяет, что задает целостность движения мысли. Казалось бы, напрашивается ответ, что их цементирует *смысл* задачи, но он старательно избегает такого ответа, видимо, потому, что смысл нельзя изобразить на чертеже двухплоскостного процесса решения задач. Если бы смысл не чувствовался в подтексте, эта интересная работа многое бы потеряла.

Движение мысли Щедровицкого противоположно движению мысли Выготского. Если Выготский (в перспективе книги «Мышление и речь») уходит от значения к смыслу, то Щедровицкий — от смысла к значению. Это отчетливо видно в его статье «Смысл и значение», датированной 1974 годом. В ней обещается развить деятельностный подход к этим категориям. Говоря о схемах и структурах смысла, Щедровицкий отмечает их роль в понимании, но предупреждает, что он тонкости последней проблемы оставляет за

³⁰ Выготский Л. С. Мышление и речь // Выготский Л. С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 2. М., 1982. С. 357.

рамками статьи. Главное внимание он обращает на конструирование значений, на *сведение* понимаемых инженером-языковедом смыслов исходных знаковых выражений к создаваемым конструкциям значений. Такой инженер *выражает* множество *ситуативных смыслов* через наборы специально выделенных *элементарных значений и последующую организацию их в структуры*³¹. Любопытна все же одна «тонкость»: откуда языковед-инженер черпает множество смыслов? И откуда — критерии их адекватности? В примечании автор специально оговаривает (чтобы читатель не заблуждался), что «значения первичны» — такая деятельность начинается со значений: именно конструкции значений дают первое структурное представление понимания. Дальнейшая задача лингвиста-инженера состоит в очередном сведении, на сей раз значений к знакам. При обсуждении вопросов о «знании знаков», «знании о знаках», «знании языка» смысл вовсе не упоминается. Не возвращается Щедровицкий и к работе понимания, рождающегося лишь во встречах двух противоположно направленных процессов — означения смысла и осмысления значения, которые происходят на всех этапах многоплоскостного решения задач и на всех этапах понимания. При этом приходится соглашаться с тем, что *полное* понимание в принципе невозможно. Последнее должно не удручать, а утешать, так как именно в дельте непонимания, т. е. разрыва (любимое слово СМД-методологов) между смыслом и значением возможно рождение нового. Поэтому, например, М. М. Бахтин настаивал на продуктивном, творческом характере подлинного понимания.

Следующий вопрос касается структуры смысла. Щедровицкий, видимо, не случайно воздержался от ее изображения. Здесь больше подходят метафоры. Выше упоминалась метафора кровеносной системы смысла (Г. Г. Шпет). Удачна метафора М. Вебера: человек — это животное, повешенное в паутине смыслов, которую он же сам сплел (уместно добавить — из своего собственного бытия). Близка к веберовской метафора Варлама Шаламова, уподоблявшего смысл стихотворения неводу, а рифму — крючку невода, мощному магниту, который высовывается в темноту и мимо него пролетает вся вселенная.

Щедровицкий тоже не удержался от метафоры. В контексте рассказа об оргдеятельностных играх он подчеркивает важную роль и значение «смыслового облака» общей работы, разные части и фрагменты которого удерживаются и схематизируются участниками игры. Обращу внимание на то, что в отличие от коллективной мысле-

³¹ Щедровицкий Г. П. Смысл и значение // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 568.

деятельности, начинающейся со смыслового облака, индивидуальная работа лингвиста-инженера начинается со значения (см. выше).

«Смысловое облако» очень близко к описанию Л. С. Выготского, говорившего, правда, не о смысле, а о мысли: «Мысль можно было бы сравнить с нависшим облаком, которое проливается дождем слов. Поэтому переход от мысли к речи представляет собой довольно сложный процесс расчленения мысли и ее воссоздания в слове»³². Если отвлечься от трудноуловимой разницы между смыслом и мыслью (Г. Г. Шпет сказал, что смысл есть со-мысль), то сходство метафор очевидно. Очевидно и то, что оба автора расчленяют смысл и мысль на части, «кусочки», чтобы затем выразить их в словах ли, в значениях ли или в парадигматических схемах деятельности. Весь вопрос в том, не являются ли индивидуальный «мыслитель» Выготского или коллектив мыслительной игры Щедровицкого *печальными наборщиками готового смысла* или готовой мысли? Выготский давал на этот вопрос двусмысленный ответ: мысль и воплощается и совершается в слове. В конце книги «Мышление и речь» он склоняется ко второму варианту. У Щедровицкого в мыслительной ситуации происходит схематизация ее смысла и идеализация ее содержания. Интерпретируя его, можно было бы сказать, что смысл воплощается (или совершается?) в деятельности. А деятельность, как известно, умирает в продукте, в том числе и в таком, каким является знак, схема, графема, значение, понятие, словом, во всем том, из чего людям в дальнейшем придется извлекать смысл. Меня, как психолога, интересует судьба смысла (мысли). Будет ли воплощенный смысл таким же, как исходное смысловое облако, или иным? В каком виде он будет присутствовать у носителей, реализаторов деятельности, ее акторов?

Всякая не пустая мысль (идея) есть мысль о смысле. И когда смысл воплощен в знаке, в действии, в образе, в словесном значении, это еще половина дела, хотя и чрезвычайно важная. Вторая половина — это извлечение смысла, его «вычитывание», которое вместе с тем является и «вчитыванием» своего смысла, что не проще. Щедровицкий с подкупающей наивностью ставит задачу лингвисту-инженеру сделать всего один шаг — создать для «смысла» особые изображения, отличающиеся от изображений «значений»³³. Подозреваю, что это шаг длиной в вечность. Здесь

³² Выготский Л. С. Мышление и речь // Выготский Л. С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 2. М., 1982. С. 356.

³³ Щедровицкий Г. П. Смысл и значение // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 568.

трудности принципиальны. Указанная выше двуактность жизни мысли, смысла, идеи справедлива не только для точек диалогической встречи двух или нескольких сознаний (М. М. Бахтин), для обобщения, рождающегося в общении (Л. С. Выготский), но даже для рождения любого интеллектуального действия. В свое время (1938) это было показано учеником Л. С. Выготского А. В. Запорожцем. Он рассматривал переход от владения предметными отношениями (типа навыка) к *воспроизведению* этих отношений или решению новых задач. Этот переход Запорожец называл переходом от интеллектуальных операций к интеллектуальным действиям и следующим образом описывал его: «Действие, бывшее ранее единым как бы раскалывается на две части — теоретическую и практическую: осмысление задачи и ее практическое решение... Первый акт состоит в преобразовании ситуации, преобразовании задачи, т. е. некоторая ситуация А превращается в ситуацию А 1, которая делает возможным употребление известного способа решения. <...> Второй акт представляет собой применение известного способа, инстинктивного или приобретенного путем навыка. <...> Итак, само осуществление мышления главным образом сосредоточивается на первом акте интеллектуального действия. Но изменение мышления и его развитие происходят как раз на втором акте, ибо понятие, которое здесь возникло или было применено, привлечено к решению данной задачи, во-первых, проверяется, во-вторых, обогащается, претерпевает изменение»³⁴.

А. В. Запорожец также отчетливо артикулировал ряд, казалось бы, важнейших для Щедровицкого положений о том, что мышление — это не процесс, происходящий внутри сознания и движимый силами самого сознания, что мышление есть деятельность субъекта по отношению к предмету, деятельность, в которой субъект приходит в соприкосновение с предметом, наталкивается на его сопротивление и познает таким образом его свойства³⁵. Это я вспоминаю не только для того, чтобы еще раз показать, что действенная и деятельностная трактовка мышления для психологии не новость. Своего рода пролегомены к деятельностной трактовке мышления принадлежат Ч. Шеррингтону, А. Бергсону, Дж. Дьюи, М. Вертгеймеру, Ж. Пиаже, А. Валлону, П. Я. Гальперину и в их ряду — Г. П. Щедровицкому.

В размышлениях А. В. Запорожца роль смысла в осуществлении мыслительного акта выступает более выпукло, чем у его учителя

³⁴ Запорожец А. В. Действие и интеллект // Запорожец А. В. Избранные психологические труды. В 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 189–190.

³⁵ Там же. С. 178.

Л. С. Выготского: итог первого этапа (осмысления) — найденный смысл определяет выбор средства, играет роль крючка или магнита, о котором писал В. Шаламов. Наличие такого смыслового магнита есть неперемное условие поиска значения во внутреннем словаре или словаре отстоявшихся в культуре значений подходящего средства выражения. Когда оно найдено, оно становится не просто значением, а живым значением или живым понятием. Без учета таких тонкостей, от которых абстрагировался Щедровицкий, работа «языковеда-инженера», едва ли может быть эффективной.

Здесь мы вплотную подошли к проблеме структуры знаковой операции, составляющей ткань человеческого мышления. Важность понимания этой структуры подчеркивали Г. Г. Шпет, Л. С. Выготский, Ж. Пиаже, А. В. Запорожец, М. Вертгеймер, Г. П. Щедровицкий, В. В. Давыдов и многие другие. Постановку проблемы внутренней структуры знаковой операции (и ее решение!) я нашел в «Записи ряда основных положений доклада Л. С. Выготского “Проблема сознания”», сделанной А. Н. Леонтьевым. Доклад состоялся в 1933–1934 году. Точная дата не указана. Комментаторы сообщают, что в угловых скобках на четных страницах «Записей» приведены не слова Выготского, а соображения А. В. Запорожца и А. Н. Леонтьева. При этом в тексте не указывается автор приводимых соображений. После слов Выготского: «Значение есть путь от мысли к слову» — в угловых скобках написано: «Значение не есть сумма всех тех психологических операций, которые стоят за словом. Значение есть нечто более определенное — это внутренняя структура знаковой операции»³⁶. В. В. Давыдов одобрительно цитирует это положение, приписывая его Выготскому³⁷. Думаю, что кому бы оно ни принадлежало, оно сомнительно и противоречит приведенному выше исследованию А. В. Запорожца. Значение — это, скорее, результат знаковой операции, внутренняя же ее структура (или ее наполнение?) — это ее смысл. К такому же выводу можно прийти на основании результатов исследований Щедровицкого, изложенных в «Аристархе Самосском», о чем вскользь упоминалось выше.

Чтобы избежать недоразумений относительно недооценки смысловой, т. е. собственно психологической составляющей мышления в более поздних работах Щедровицкого, приведу недвусмысленное его описание: «...мышление людей есть функция от ис-

пользуемых ими знаковых средств, а отнюдь не функция нашего сознания. Человек мыслит не головой, а вещами и знаками, действуя с теми и другими и соотнося то, что получается, с эталонами, фиксированными в культуре. Сознание процессов мышления есть лишь условие работы, некий вспомогательный механизм. <...> Итак, мысль и знание теснейшим образом связаны с их знаковыми формами. Знаковые формы являются конструкциями, которые создаются по определенным законам»³⁸. Добавлю: в том числе и по неопределенным, таинственным законам интуиции, инсайта, движения смысла, рефлексии и того же сознания.

Справедливости ради должен сказать, что тайна и чудо мышления не вовсе ускользают из сознания Г. П. Щедровицкого. Описывая практику организационно-деятельностных игр, он говорит о необычайно сложном «месиве» из фрагментов различных систем мыследеятельности, к которым можно добавить и «кусочки смыслового облака». Речь идет о «стихийном и хаотическом процессе состыковки друг с другом различных слоев и слоевых процессов из различных слоев индивидуальной мыследеятельности»³⁹. Так что же верно? Творческое мышление — это организованность или стихия, хаос, мусорная свалка (ахматовский *сор, из какого, не ведая стыда, растут стихи*). И здесь организаторам таких игр можно посочувствовать и пожелать успехов в решении практических задач, в достижении поставленных целей. В то же время следует предупредить, что понять психологические механизмы коллективного мышления никак не проще, чем индивидуального. Как уже говорилось выше, успешный творческий (а другой не интересен) результат не несет на себе сколько-нибудь достоверных следов его получения.

Общая теория деятельности и проблема культуры

Значит, Г. П. Щедровицкий заимствовал из культурно-исторической психологии лишь то, что относится к употреблению знаковых средств. Впрочем, это не так мало. Нельзя сказать, что в работах самого Щедровицкого размышления о культуре занимают большое место. Насколько я понимаю, он идентифицирует культуру или ее идею с идеей (понятием) воспроизводства деятельно-

³⁸ Щедровицкий Г. П. Методология и наука // Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 343.

³⁹ Щедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 293.

³⁶ Выготский Л. С. Проблема сознания // Выготский Л. С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1. М., 1982. С. 160.

³⁷ Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. М., 1996. С. 407.

сти, что делает излишним более широкое понимание культуры в культурно-исторической психологии.

Идеи воспроизводства и *производства* культуры отчетливо артикулированы Марксом, чего не заметил марксист Г. П. Щедровицкий, говоривший, что понятия простого и расширенного воспроизводства Маркс использует не в контексте культуры. Не стану воспроизводить полностью витиеватую форму изложения Маркса. Приведу лишь его идею о том, что главное не продукт, не условия процесса и способы его предметного воплощения. Другими словами, главное не деятельность. Все это лишь моменты. Главное — индивиды, но индивиды в их взаимных связях, которые они как воспроизводят, так и *производят заново*. Постоянным является лишь их собственный процесс движения, в котором они *обновляют самих себя* в такой же мере, в какой они обновляют тот мир богатства, который они создают⁴⁰. Здесь Маркс прав по существу, а не потому, что он марксист. Ведь если представить культуру результатом воспроизводства *бессубъектной* (об этом ниже) деятельности, то мы неизбежно приходим к бессубъектности культуры. Такого вывода Щедровицкий не сделал!

Мне кажется, что если бы перед ним возникла задача операционализации того, что он называет воспроизводством деятельности, то он непременно обратился бы к механизмам и законам психического развития, установленным, конечно, не только Л. С. Выготским и его научной школой. Правда, на этом пути его поджидало бы созданное им же самим препятствие. Предметом гордости Щедровицкого было основанное на идее воспроизводства деятельности принципиально важное для него разделение социальности и культуры. Сначала я подумал, что речь идет не о социальности, а социализации, на которую действительно он ссылается: «Можно быть сколько угодно социализированным, адаптированным к социальности и — в силу этого — быть абсолютно бескультурным или антикультурным»⁴¹.

В этом случае утверждение Щедровицкого — банально, не соответствует тому пафосу, каким оно сопровождается. Однако эта проблема имеет свою предысторию. В 1972 году она ставилась вне контекста социализации. Он формулировал гипотезу о том, что «“логико-эпистемологическое” относится к определенным орга-

низованностям нашей деятельности, входящим в систему культуры, а “социальное” и “социально-психологическое” принадлежит к широкому кругу процессов, образующих как бы “сферу человеческой активности” вокруг этих организованностей»⁴². Автор фиксирует целый ряд изобразительных (как представить в онтологической картине) и концептуальных трудностей, возникающих на пути подтверждения выдвинутого *предположения*. А в 1989 году считает его доказанным. Упрощая схему Щедровицкого, можно представить выдвигаемую им оппозицию следующим образом: деятельность — это ядро, имеющее отношение к культуре, а активность — сфера, не имеющая к ней отношения. «Социальное», «социально-психологическое», все «сферы человеческой активности», включая коммуникацию, Г. П. Щедровицкий вынес за пределы культуры в социальное. Однако «логико-эпистемологические организованности нашей деятельности», о которых он говорит, можно также включить в тело культуры.

Возможен и другой вариант. Не вернее ли их включить в тело цивилизации, которую М. Пришвин характеризовал как «силу вещей», что не противоречит трактовке мышления Г. П. Щедровицкого. Он утверждал, что «само мышление и движущиеся в нем знания представляют собой естественно действующий объект, т. е. в частности, объект, который не меняется от соприкосновения его с другими надстраивающимися над ним формами, типами мышления. Мы должны показать, что мышление как предмет и объект познания подобно природе, что познающее мышление может стоять к мышлению-объекту в таком же отношении, в каком оно стоит к природе»⁴³. Правда, Щедровицкий оговаривает если не сомнительность, то проблематичность этого утверждения, но оптимистически смотрит на перспективы его обсуждения. Если принять тезис об «оестествлении» законов мышления, уподоблении их законам природы, то мир мышления (в трактовке Г. П. Щедровицкого) выступает вслед за второй природой — предметным миром, по Марксу, — как очередная форма человеческой природы. И тогда логико-эпистемологические организованности нашей деятельности действительно могут быть отнесены не к культуре, а к цивилизации.

По отношению к обоим искусственным мирам — миру цивилизации и миру мышления — возникает одна и та же проблема: сле-

⁴⁰ См.: Ильенков Э. В. Идеальное // *Философская энциклопедия*. В 5 т. Т. 2. М., 1962. С. 227.

⁴¹ Щедровицкий Г. П. Перспективы и программы развития СМД-методологии // *Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология*. М., 1997. С. 585.

⁴² Щедровицкий Г. П. Логико-эпистемологические и социально-психологические мотивы в современной методологии науки // *Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология*. М., 1997. С. 287.

⁴³ Щедровицкий Г. П. Методология и наука // *Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология*. М., 1997. С. 347.

лать их по возможности искусственно-естественными, т. е. проблема «оестествления» этих миров, как называл ее Щедровицкий. Другими словами, сделать их человеко-размерными, не подавляющими человека. Эту проблему легче осознать и поставить, чем решить:

Душу сражает, как громом, проклятие:
Творческий разум осилил — убил.

А. Блок

Что касается культуры, то, как писал М. М. Бахтин, она в принципе не имеет собственной территории, а располагается на границах. Поэтому она может выполнять защитные функции, вступаясь за слабого, например, за человека против техники (эргономика), за природу против человека (экология), за мышление против идеологии (Г. П. Щедровицкий; Д. Б. Эльконин и В. В. Давыдов). Последние упомянуты в связи с их проектом развития теоретического мышления у детей, который они начали осуществлять с конца 1950-х годов. Я не сомневаюсь, что проект возник не без влияния Г. П. Щедровицкого. В. В. Давыдов, в отличие от меня, начиная с 1958 года, принимал активное участие в работе «Комиссии по психологии и логике мышления».

Завершая комментарий к исследованиям Г. П. Щедровицкого в области мышления, отмечу его счастливую непоследовательность, которая иногда прорывалась сквозь логико-методологический панцирь, которым он маскировал свою достаточно широкую натуру. Хотя он, утверждая свое понимание объективного, субстанционального и пр. мира мышления, более чем критически относился к психологическим исследованиям мышления, сам он приложил к ним и свою голову, и свои руки. И у него это неплохо получалось, особенно в ранний период его научной деятельности. Некоторые из его исследований вполне можно оценить как продолжение и развитие исследований продуктивного мышления классиком психологии М. Вертгеймером.

Работы Г. П. Щедровицкого в области психологии и педагогики мышления *заслуживают* специального анализа. Косвенным подтверждением сказанного является то, что его друг В. В. Давыдов обошел их своим вниманием в печатном (но не в устном) слове. Справедливости ради нужно сказать, что лишь в посмертно опубликованном докладе, подготовленном В. В. Давыдовым в 1998 году и посвященном проблематике деятельности, Г. П. Щедровицкий был упомянут, поскольку «также имел своеобразную теорию деятельности (1993). Она изложена в достаточно развернутом виде

в его «Избранных трудах», которая пока мало известна психологам. Свою теорию сам Г. П. Щедровицкий назвал методологической теорией, но в каком-то смысле она сопоставима с психологическими теориями С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева⁴⁴. Запоздалое и своеобразное признание сделано В. В. Давыдовым незадолго до кончины, но тем более оно значимо.

Деятельность в активном и пассивном залоге

Отвлечемся пока от того, насколько было обосновано «учреждение» мира мышления и правдоподобна его интерпретация. Несомненно, что Г. П. Щедровицкий нашел свою нишу для интересной и вполне академической работы. Он сотворил себе некий метанаучный, возможно даже метафилософский мир, в котором можно было скромно жить, над которым можно размышлять. Почти гарантировано, что размышления о мире мышления не прошли бы незамеченными. Другими словами, можно было бы почти похайдегеровски эмигрировать в миры сознания, теории, мышления и мысли. Но Щедровицкий по складу своего характера был реформатором. Его привлекала не только научно-исследовательская деятельность, но и социальная активность, что не часто встречается среди ученых-профессионалов и еще реже среди философов. О «самозванцах мысли» (выражение М. К. Мамардашвили) речи не идет. Обе доминанты его души — научная деятельность и социальная активность — довольно долго соревновались одна с другой. Ему было мало утверждения бытия мышления и растворения себя в этом бытии. Пользуясь выражением М. М. Бахтина, его собственное мышление должно было стать участным в полном или всеобщем бытии. Его личностная позиция — *не-алиби в бытии* — сформировалась, видимо, в бурной комсомольской молодости. Г. П. Щедровицкий вполне по-советски призывал своих единомышленников занимать «активную жизненную позицию». И он, как ученый, для реализации своей социальной активности учреждает еще один мир — мир окружающей нас деятельности, представляющий, как и мир мышления, субстанцию, целостность, универсум особого рода⁴⁵. Будучи человеком цельным, он соединяет мир мышления с миром деятель-

⁴⁴ Давыдов В. В. Новый подход к пониманию структуры и содержания деятельности // Вопросы психологии. 2003. № 2. С. 43.

⁴⁵ См.: Щедровицкий Г. П. Стратегия научного поиска // Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 510.

ности в единый мир — *мир мыследеятельности*. А пока остановимся на мире деятельности.

Забегая вперед, скажу, что при всем пиетете, с которым Щедровицкий цитирует принцип деятельности, принадлежащий К. Марксу, к нему самому, по крайней мере частично, может быть обращена марксова критика материализма. Напомню, что в материализме «предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме *созерцания* , а не как *человеческая чувственная деятельность, практика* , не субъективно». Перефразируя Маркса, можно сказать, что, с точки зрения психологии, главный недостаток теории деятельности Г. П. Щедровицкого состоит в том, что она берется только в форме объекта, а не субъективно. Дальнейшее послужит обоснованию этого тезиса.

Главная, но лишь частично справедливая претензия Щедровицкого к любым, в том числе и к психологическим исследованиям деятельности состоит в том, что они носят эмпирический характер и до сих пор деятельность не выделена в качестве *идеального предмета изучения* , не выделены единицы ее анализа, нет ясности в том, что такое деятельность — вещь или процесс, и т. п. Этому противоречит следующее его высказывание: «сами выражения “деятельность”, “действие”, если оставить в стороне определение их через схемы воспроизводства (с которыми мы уже частично знакомы — В. З.) выступают как выражения сильных идеализаций, чрезмерных редуций, которым в реальной жизни могут соответствовать только крайне редкие искусственно созданные и экзотические случаи»⁴⁶. Между прочим, редкость явлений или событий — еще не основание, по которому наука ими должна пренебрегать. А что касается искусственности, экзотики и даже абсурда, то их элементы присутствуют в любом экспериментальном исследовании. Эксперимент — это все же создание условий, которые в жизни не встречаются. Иначе он не нужен.

Здесь полемизировать со Щедровицким довольно сложно, потому что его критика в адрес психологических исследований деятельности носит слишком общий характер. Я готов согласиться с ним в том, что существует лишь одна единица ее анализа — это она сама, т. е. весь универсум человеческой деятельности, если речь идет о его собственной методологической теории деятельности. Если же речь идет о психологической теории деятельности, в существовании которой он всегда сомневался, то в ней имеется класси-

⁴⁶ Щедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 297.

фикация ее видов: коммуникативная, игровая, учебная, трудовая, управленческая, свободная и т. п. Изучению некоторых ее видов, например игровой, учебной, он посвящал свои исследования. Деятельность изучалась и «в глубину»: изучались многочисленные формы действий, операций, функциональных блоков, или блоков функций, для чего разрабатывались методы микроструктурного и даже микродинамического анализа компонентов деятельности. Сегодня анализ доведен до выделения волн и квантов действия⁴⁷. Другое дело, что анализу деятельности *per se* , ее, так сказать, верхнего слоя можно и нужно предъявлять претензии в абстрактности. Он не слишком далеко ушел от гегелевской схемы: цель, средство, результат. Небогата и распространенная схема: планирование, реализация, контроль.

Могу согласиться с тем, что носителем деятельности является все человечество, живущее не только в настоящем, но и жившее в его истории. Подписываюсь и под тем, что деятельность разворачивается по своим собственным внутренним, имманентным законам, что это поток, передающийся от одного поколения к другому, что он распределяется между отдельными индивидами. В. В. Давыдов, видимо, под влиянием Щедровицкого, рассматривал учебную деятельность как коллективно-распределенную. Наконец, я могу согласиться даже с не вполне эстетически выраженным суждением, что люди и машины образуют единую материю, на которой *паразитирует* деятельность. То есть последняя как бы выступает в роли субъекта, хотя бы и неполноценного, паразитирующего. Повторяю, я не только готов согласиться, но уже со многим согласился.

И тем не менее одно из моих «я» говорит другому «я», работавшему многие годы в оборонной промышленности над проблемами инженерно-психологического и эргономического анализа и проектирования деятельности операторов средств вооружения и военной техники: «Представь себе, что ты с этим бы пришел к своим товарищам — инженерам, проектировавшим и создававшим эту технику?». Ответ ясен: меня бы прогнали. Прогнали бы и в том случае, если бы я добавил, вслед за Г. П. Щедровицким, что деятельность — это очень сложная структура, сверхсложная система. Последние слова я, конечно, произносил, но мне приходилось их подкреплять классификацией систем и структур операторской деятельности, простенькими или более сложными структурными их представлениями, моделями, или, говоря в терминах Щедровиц-

⁴⁷ Гордеева Н. Д., Зинченко В. П. Роль рефлексии в построении предметного действия // Человек. 2000. № 6.

кого, онтологическими картинками. При этом я и мои коллеги по «человеческому фактору» занимались еще и «оцифровкой» таких картинок, т. е. комментировали их численными результатами экспериментальных исследований операторской деятельности или ее элементов.

Мы не гнушались операционализировать концептуальные представления, модели и схемы деятельности и действий, развитые Н. А. Бернштейном, А. В. Запорожцем, А. Н. Леонтьевым, С. Л. Рубинштейном, Э. Г. Юдиным и др., и предлагать свои варианты. В. Э. Мильман опубликовал в журнале «Вопросы психологии» около 15 таких вариантов. И некоторые из них неплохо работали и служили основанием для разработки требований, рекомендаций и даже многих стандартов по учету человеческого фактора при проектировании техники. Снова встану на соглашательскую позицию: пусть наши исследования деятельности носили эмпирический характер и даже являлись (как и теория деятельности А. Н. Леонтьева) всего лишь «искаженным психологизированным отражением методологической теории деятельности»⁴⁸, развитой Щедровицким. Но тогда нужно предметно показать, в чем искажения, или вместо «психологизированной» теории деятельности предложить подлинно психологическую, а не только методологическую теорию деятельности. Или, как в случае мышления, сказать, что психологии деятельности нет и быть не может.

Должен сказать, что А. Н. Леонтьев не претендовал на окончательность своей теории (или представлений о) деятельности. Он прекрасно понимал, что «введение так называемой категории деятельности ставит много вопросов, в том числе и дискуссионных»; что «психологическому исследованию деятельности положено лишь начало, и оно по необходимости отвлекается от некоторых психологических реалий»⁴⁹. А. Н. Леонтьева незадолго до кончины волновало, чтобы теория деятельности *была*, пусть и в другом виде. Что касается хронологии, то «Платон мне друг, но...». Вот как описывает А. Н. Леонтьев генезис и истоки возникновения теории деятельности (психологической!): «очень важна работа Петра Ивановича Зинченко о произвольном запоминании. Я имею в виду особенно первую публикацию, которая появилась только, к сожалению, в 1939 году. В чем был пафос? Занимает предмет место цели — один

⁴⁸ См.: Щедровицкий Г. П. Перспективы и программы развития СМД-методологии // Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 583.

⁴⁹ Леонтьев А. Н. Категория деятельности в современной психологии // Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. В 2 т. Т. 2. М., 1983. С. 244–245.

эффект, занимает структурное место условия — другой эффект: в этом была сущность, главное для нас, по крайней мере.

Так возникло представление и вместе с тем членение, выделились понятия собственно деятельности, мотива, дальше — цели, условий; ну, словом, этот первоначально выделенный арсенал тех понятий, которые я описывал неоднократно в последние годы, а впервые — несколько раньше»⁵⁰. К этим перечисленным Леонтьевым понятиям следует добавить понятие психологического действия и более узкое — мнемического действия; последнее у П. И. Зинченко стало единицей анализа памяти. Впоследствии С. Л. Рубинштейн предложил рассматривать действие как единицу анализа всей психики, своего рода клеточку, неразвитое начало развития целого. Цитированную А. Н. Леонтьевым работу П. И. Зинченко Щедровицкий хорошо знал и неоднократно на нее ссылался.

Я, разумеется, согласен с критикой Щедровицкого субъект-объектных представлений деятельности. От них, в конце концов, отказались *авторы* психологической теории деятельности. С. Л. Рубинштейн заменил их оппозицией «человек—мир», позднее А. Н. Леонтьев — оппозицией «человек—жизненный мир», стоящий *за* деятельностью. Можно пойти дальше и, вслед за О. Мандельштамом, сказать: *Я — создатель миров моих*. И более того:

Все в мире переплетено
Моею собственной рукою.

Мне кажется, что такой взгляд, по крайней мере, более оптимистичен (кстати, его подтверждает вся жизнь Щедровицкого), чем его перевернутая субъект-объектная схема. В ней субъектом выступает либо деятельность, либо мышление, а в качестве объекта — человек. Получается парадоксальная ситуация: бессубъектная деятельность становится субъектом, что, учитывая издавна существующую у человечества манию персонификации, в принципе возможно. Ведь становится же время (созданное человеком) *действующим лицом*, что справедливо не только для Алисы в Стране Чудес. Вяч. И. Иванов, В. В. Кандинский говорили о великих произведениях искусства не только как о субъектах, а как о личностях, уча-

⁵⁰ Леонтьев А. Н. Проблема деятельности в истории советской психологии // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 116. См. также: Зинченко П. И. Проблема произвольного запоминания // Научные записки Харьковского педагогического института иностранных языков. 1939. Т. 1. С. 145–187; Мещеряков Б. Г. П. И. Зинченко и психология памяти (К 100-летию со дня рождения ученого) // Вопросы психологии. 2003. № 4. С. 84–103.

ствующих в создании духовной атмосферы. С другой стороны, не всякий человек соглашается стать объектом, винтиком (этот мотив тоже звучит у Щедровицкого) и позволять, чтобы на нем *паразитировала* деятельность. Ведь если допустить, что он, пусть и случайно, обладает сознанием, рефлексией, свободой воли, собственной мыследеятельностью, то сможет пойти против потока деятельности, выйти из него, сесть на берегу и посмотреть на суету сует, которую другие считают деятельностью, и отдаться, например, собственному потоку сознания. Это, конечно, очередная психологизация, но подобная интерпретация *методологической теории деятельности*, которую Щедровицкий называл *Общей Теорией Деятельности*, направляется сама собой. Она не столь уж и произвольна.

Удивительно, что марксист Г. П. Щедровицкий в поисках характерной особенности мира деятельности не обратился к Марксу и не назвал ее *всеобщей деятельностью* по аналогии с марксовым *всеобщим трудом*. В этом случае был бы очевиден субъект такой деятельности или труда, которым является человечество. Кстати и индивиду приятнее участвовать во всеобщей, а не в бессубъектной деятельности. А вслед за всеобщей деятельностью можно вести разговор об особенной деятельности (А. Н. Леонтьев) как о ее разновидности, затем — об индивидуальной деятельности. В такой логике найдут место и упоминавшиеся выше иллюзорно-компенсаторные формы деятельности, например, пустой активизм и пр.

Н. В. Гоголь говорил об одном из своих персонажей, что *деятельность покинула его*. Это много хуже по сравнению с тем, когда человек сам оставляет деятельность. У человека органами, осуществляющими выбор желаемой деятельности (и не только ее!) являются душа, сознание, личность. Имеются аргументы в пользу того, что не только деятельность, но и действия могут приобретать субъектные черты. Выше шла речь о том, что для методологической теории деятельности понятие действия не имеет ровно никакого значения. В психологической теории деятельности, напротив, понятие действия играет центральную роль. Э. Г. Юдин совершенно справедливо назвал изучение действия квинтэссенцией деятельностного подхода. Действительно, психологическая теория деятельности вправе гордиться исследованиями исполнительных, сенсорных, перцептивных, мнемических, умственных действий. В ее рамках внимание и эмоции также рассматривались как формы действия. Мне даже кажется, что настало время обобщения этих исследований и создания психологической теории действия. И именно со стороны исследований действия возможна дополнительная психологическая аргументация в пользу рассмотрения деятельности как субъекта.

В уже цитированной выше работе А. В. Запорожец рассматривает эту проблему, но применительно не к деятельности, а к действию: «Каким образом может действие сделаться целью для другого действия? Каким образом действие может быть так отчуждено, что субъект начинает стремиться к нему, как к известной внешней вещи, внешнему предмету? Каким образом он может стремиться к действию так, как стремился раньше к пище или к какому-нибудь другому предмету, удовлетворяющему его потребности? Как действие получает такого рода отчуждение, становится до такой степени внешним, что превращается в цель субъекта? Единственная возможность этого заключается в том, что действие *опредмечивается*, приобретает предметный характер. Тогда действие выступает перед ним как внешний субъект, в котором это действие овеществлено»⁵¹. Поставленные А. В. Запорожцем вопросы и данный на них ответ, на мой взгляд, имеют такое же отношение к действию, как и к деятельности. Но для того, чтобы субъективировать действие и деятельность, нужно самому быть субъектом (лучше личностью!), быть в состоянии принять вызов с их стороны и суметь преодолеть их сопротивление. В итоге действие и деятельность одушевляются. Значит, в подобной логике мы имеем дело с субъект-субъектной схемой, а не объект-субъектной схемой, как получается в логике методологической теории деятельности, вопреки намерениям ее автора. Строго говоря, эта схема даже не объект-субъектная, а объект-объектная, если всерьез принять положения о том, что люди — лишь случайные и пассивные носители мышления и деятельности. Рискуя выйти за пределы *психологического* комментирования, предположу, что субъективация, очеловечивание, а еще лучше — вочеловечивание субстантивированных миров мышления и деятельности, мира аффективно-смысловых образований снимет или, по крайней мере, существенно облегчит как проблему их распредмечивания, так и проблему оестествления искусственного, которые заботили Г. П. Щедровицкого.

В анализе деятельности он более логичен и последователен, чем в анализе мышления. С его точки зрения, самым принципиальным пунктом для методологической теории деятельности является положение о том, что единственная схема, через которую деятельность может быть задана, — это схема *воспроизводства деятельности*, о которой частично шла речь выше. Хотя это и марксов термин, но в контексте размышлений о деятельности он не кажется мне удачным. В нем

⁵¹ Запорожец А. В. Действие и интеллект // Запорожец А. В. Избранные психологические труды. В 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 190.

пассивный залог преобладает над активным. Здесь ближе подходит понятие превращенных (нередко — превратных или извращенных) форм деятельности (этим понятием широко пользовался М. К. Мамардашвили). У психологов термин «воспроизводство» ассоциируется не столько с К. Марксом, не с его даже расширенным производством, сколько с исследованиями памяти Г. Эббингауза, со скудным воспроизведением по памяти, с повторением, даже с бессмысленной моторной персеверацией. В психологии есть и другое понимание воспроизведения, в котором на передний план выходит активный залог и которое может служить совсем не лишним подтверждением той исключительной роли, которую Г. П. Щедровицкий придавал воспроизводству деятельности. Все же в связи с возможной двойственностью понимания термина «воспроизведение» в психологическом контексте более привычны и адекватны термины «трансляция», «развитие», «формирование деятельности», создание в ее актах новообразований. Вся эта терминология также используется Г. П. Щедровицким

Мне, конечно, можно возразить, что я снова занимаюсь очередной психологизацией деятельности, что через процесс воспроизводства «проходит демаркационная линия между деятельностью и действием, поскольку действие, оказывается, не есть единица деятельности и деятельность из действий не складывается⁵².

Каюсь, чем больше детализируется структура действия, тем менее отчетливо я могу представить демаркационную линию между деятельностью и действием. Разве что грань между ними в том, что представления о деятельности до сих пор достаточно абстрактны, а о действии — весьма конкретны. Вместе с тем я согласен, в том числе и с А. Н. Леонтьевым, предупреждавшим, что деятельность не аддитивна. При всей справедливости этих утверждений, вне действий деятельность невозможна. Из чего-то ведь она должна состоять! Если деятельность — структура или система, то хотелось бы знать, какие компоненты ее конституируют.

Бедность психологической и схематизм методологической интерпретации категории «деятельность» далеко не безобидны. Дело даже не в том, что психологи с помощью одного скудного по содержанию понятия пытаются объяснить другие значительно более содержательные. Кажущаяся понятность и простота деятельности, в свою очередь, создает иллюзию легкости ее проектирования (или воспроизведения?), конструирования, программирования, управления и т. п. И в самом деле, в чем проблема? Поставил цель, предо-

ставил средства, задал результат, создал соответствующую социальную ситуацию или контекст достижения цели, объявил деятельность нормативной, установил правила-нормы, организовал сообщество, разделил обязанности между участниками, внушил «обманы путеводные», пообещал вознаграждение — «замотивировал», регламентировал кары, назвал организованное сообщество группой, коллективом, собранием, орденом, партией, классом — и успех гарантирован. Конечно, для успеха нужен еще талантливый режиссер, лидер, менеджер, секреты деятельности которого, впрочем, остаются его секретами. Надо ли говорить, что нарисованная картинка весьма реалистична, это слепок с жизни, с практики организации деятельности, а не итог ее теоретико-методологических исследований. Для эффективности подобной практики «психологизация» исследований деятельности скорее помеха. На такой «пустяк», как свободная деятельность, лучше не обращать внимания. Если люди все равно случайные носители мышления и деятельности, то не все ли им равно, что носить. Лучше и проще забыть, что свободной, согласно Гегелю и Марксу, является такая деятельность, где имеется свобода в постановке цели, в выборе средств ее достижения, в определении вида результата. Эта деятельность — творчество, в котором, между прочим, есть своя суровая дисциплина и ответственность. Уменьшение числа степеней свободы превращает деятельность в функционирование, в работу; сведение их до минимума, — в тяжелую обязанность, в кагору. Еще одним «пустяком» (помехой) является сознание.

Постижима деятельность или нет — покажет будущее, оно же и подскажет средства ее постижения. Сегодня ясно, что необходимо существенное обогащение и развитие наших представлений о ней. Г. П. Щедровицкий признавал наличие в деятельности имманентных ей законов развития. Споры нет, он многое сделал для ее рационального объяснения и понимания. Но тот же рационализм поставил ему пределы. Трудно сказать, помогут ли ее дальнейшему познанию постоянно изобретаемые новые неклассические формы рациональности.

«А был ли мальчик?», или Возможна ли мыследеятельность?...

Выше уже шла речь о том, что Г. П. Щедровицкий соединял мир деятельности с миром мышления. Ему принадлежит неологизм *мыследеятельность*. Нравится он нам или нет, но он вошел в язык (я встретил его у японского писателя Харуки Мураками). Конечно, введение нового слова проблемы не решает, о чем свидетельствует опыт психологии, в частности, попытки обогащения и развития психологической теории

⁵² Щедровицкий Г. П. Перспективы и программы развития СМД-методологии // Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 584.

деятельности. Довольно длительное время психологическое содержание деятельности не столько извлекалось из нее, сколько искусственно вводилось. Например, деятельность плюс мотив (А. Н. Леонтьев); деятельность плюс потребность-нужда (В. В. Давыдов); деятельность плюс мышление, итог — осмысленная деятельность (П. Я. Гальперин); деятельность плюс сознание, итог — единство сознания и деятельности (С. Л. Рубинштейн). К деятельности «прибавлялись» также аффекты, функциональные состояния, личностные смыслы и пр.

В этом же духе можно понимать и вариант Г. П. Щедровицкого: деятельность плюс мышление, итог — мыследеятельность. Это понятие имеет вполне практические основания: «В реальном мире общественной жизни деятельность и действие (в реальности Щедровицкий все же признает последнее — *В. З.*) могут существовать только вместе с мышлением и коммуникацией (хорошо бы было так на самом деле — *В. З.*). Отсюда и выражение “мыследеятельность”, которое больше соответствует реальности и поэтому должно заменить и вытеснить выражение “деятельность” как при исследованиях, так и в практической организации»⁵³.

То, что понятие «мыследеятельность» больше соответствует реальности, достаточно спорно, если, конечно, не ограничивать реальность участниками Московского методологического кружка. Думать трудно, и люди это делают без большой охоты. Понятие «мыследеятельность» все же довольно искусственно, хотя адекватно для ситуаций, в которых оно возникло. В нем фиксируются ситуации, когда мышление включено в контекст практической деятельности, когда необходимо организовать коллективную комплексированную работу⁵⁴. Мыследеятельность — это полезный инструмент организации надпрофессионального и надпредметного мышления, в которой у Г. П. Щедровицкого был огромный и, кажется, неповторимый опыт. Думаю, если такая деятельность станет повсеместной, что едва ли случится скоро, приставка «мысле» отпадет сама собой.

Так или иначе, но стратегия обогащения понятия «действия» и стратегия изучения действия была совершенно иной по сравнению с обогащением понятия «деятельность». Его когнитивные, оценочные, аффективные, даже рефлексивные свойства и компоненты выявлялись в нем самом, извлекались из него, а не вводи-

⁵³ Щедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 297–298.

⁵⁴ Щедровицкий Г. П. Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследеятельности // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 115.

лись извне. Рефлекторное кольцо Н. А. Бернштейна, заменившее рефлекторную дугу, оказалось настолько насыщенным и перенасыщенным психологическим содержанием, что утратило свое наименование, стало моделью, функциональной структурой *действия*. Напомню, что Н. А. Бернштейн, столкнувшись со сложностью живого движения, уподоблял последнее живому существу. Он бы едва ли удивился, что в *самом* живом движении обнаружены свойства, составляющие фундамент будущей осознанной регуляции движений. Различия между рефлекторной и рефлексивной организацией кардинальны, они меняют принцип *условно-отраженного действия* (А. А. Ухтомский) на принцип свободно-порожденного, личного действия. Как говорил Томас Элиот:

В моем начале — мой конец.

В моем конце — мое начало.

Сам Н. А. Бернштейн говорил об этом в терминах сличения личного и должного: *istwert* (что есть) и *sollwert* (что должно быть). В. А. Лефевр рисовал человечка, держащего в руках планшет, на котором изображен его двойник, выбирающий разные варианты действий. Таким образом он иллюстрировал возможность проигрывания действия до действия, т. е. рефлексивность действия и его принципиальную субъективность. Щедровицкий ссылаясь на это особое изображение рефлексии Лефевром, предложенное им в 1962 году⁵⁵. В 1965 году Лефевр опубликовал материалы к конференции, о которых Щедровицкий не мог не знать⁵⁶. Они вызвали скандал из-за фразы: «существо», являющееся лидером». Цензура переполошилась, хотя внятного объяснения причин переполоха не дала. Скорее, в подтексте сквозила обида за лидера, которому маловато быть существом. Статья же Лефевра посвящена самоорганизующимся и саморефлексивным системам. В ней рассматривается возникновение индивидуального сознания и самосознания, а также некоторые условия организации коллективной деятельности, правда, еще не мыследеятельности. Щедровицкий проигнорировал эту работу Лефевра, как и все последующие, посвященные конфликтующим структурам и рефлексивному управлению. Не думаю, что игнорирование имело личностные причины. Они, скорее,

⁵⁵ Щедровицкий Г. П. Об одном направлении в современной методологии // Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 410.

⁵⁶ Лефевр В. А. О самоорганизующихся и саморефлексивных системах и их исследования // Проблемы и исследования систем и структур. М., 1965. См. также повторную публикацию: Прикладная эргономика. 1994. № 1.

принципиальны и связаны с тем, что проблему сознания и самосознания Щедровицкий сознательно оставлял за пределами своих научных интересов и поисков. Включение этой проблематики могло бы поколебать его взгляд на деятельность как на бессубъектную. Возможно, он именно поэтому настаивал на наличии демаркационной линии между деятельностью и действием. Может быть, он прав, утверждая, что деятельность не складывается из действий, но она из них вырастает, не утрачивая ни рефлексивности, ни субъектности. В противном случае она вырождается в нечто иное. Сказанное имеет отношение к деятельности и к мыследеятельности в особенности. И. Бродский удачно охарактеризовал рефлексиию как постскриптум к мысли. С не меньшим основанием ее можно признать прескриптумом к действию. А если к этому добавить наличие фонового уровня рефлексии внутри действия, то она и есть движение смысла, о котором писали Г. Г. Шпет, Н. А. Бернштейн и А. В. Запорожец. В этом свете людей, обладающих рефлексией, переживающих и порождающих новые смыслы, едва ли можно признать *случайными эпифеноменами мира мышления и деятельности*⁵⁷.

При развитии структурных представлений о действии, естественно, возникал вопрос, а есть ли в нем место для мышления, в частности, для принятия решений? Оказалось, что мышление и принятие решений есть, а конкретное место указать невозможно. Результаты исследований предметного действия показывают, что судьба реакции решается и на станции отправления, и на станции назначения, и на всех промежуточных станциях. Действие либо целиком умное, либо целиком если и не глупое, то ошибочное, несовершенное. Слово сочетание «умное делание» — не только достояние теологии. Мне кажется, что при развитии методологической теории деятельности полезно учитывать результаты психологических исследований предметных, перцептивных, мнемических, умственных и аффективных действий, а не считать их интеллектуальными излишествами.

Удачная аббревиатура

Развитие методологической теории деятельности пошло не вглубь, авширь. Продолжая вербальные игры, Г. П. Щедровицкий к и без того непривычному словосочетанию «мыследеятельность» прибавил слово «система». В итоге получился труднопроизносимый

⁵⁷ Щедровицкий Г. П. Перспективы и программы развития СМД-методологии // Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 562.

вербальный монстр «системомыследеятельность». Пользователей выручает только довольно благозвучная многократно использованная выше аббревиатура — СМД-методология. Трудно сказать о мотивах создания этого монстра. Возможно, они связаны с тем, что слово «мыследеятельность» не несет на себе отчетливых следов методологии и философии. Возможно также, что прибавление слова «система» — дань модному в то время системному подходу, с помощью которого философы и методологи пытались заменить или, по крайней мере, смягчить становившуюся одиозной марксистско-ленинскую фразеологию. В оправдание ее «окультуривания» Маркса даже назначили родоначальником системного подхода, что выдавалось за революционный шаг в развитии марксизма. Наконец, возможно, наиболее правдоподобный мотив — это экспансионистские претензии методологии, развивавшейся Щедровицким и его единомышленниками.

На мой взгляд, если даже все перечисленные мотивы действительны, добавление слова «система» излишне. Фонетическую громоздкость и неудобоваримость этого словосочетания еще можно как-то пережить. А с убеждениями что делать? Понятия «мышление» и «деятельность» и без того беспредельно широки, а главное, ни тому, ни другому слово «система» не к лицу. Оно наделяет их оттенком какой-то безнадежности. Это хорошо видно на примере психологии, где системный подход складывался независимо от размышлений А. А. Богданова, Л. фон Бергаланфи и даже независимо от К. Маркса. Л. С. Выготский восхищался системностью бихевиоризма. Он сам писал о системном (но не только!) и смысловом строении сознания. Но у Выготского до и после системы, над и под ней просвечивали культура и история с их непредсказуемостью. По-своему системны гештальтпсихология, генетическая эпистемология Ж. Пиаже и другие направления в психологии. Еще раз обратимся к Выготскому: «Понятие структуры одинаково распространяется на все формы поведения и психики. Снова в свете или, вернее, в сумерках структуры все кошки серы: вся разница в том, что один вечный закон природы — закон ассоциации сменяется другим, столь же вечным законом природы — законом структуры. Для культурного, исторического в человеческом поведении снова нет соответствующих понятий»⁵⁸.

В оправдание введения громоздкого выражения «СМД-методология» скажу, что, видимо, для Щедровицкого оно было сред-

⁵⁸ Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Выготский Л. С. Собрание сочинений. Т. 3. 1983. С. 16.

ством обозначения и очерчивания своей области исследований и интересов. СМД-методология стала неким знаком, свидетельствующим о принадлежности к созданному и возглавлявшемуся им философско-методологическому движению или к кругу единомышленников.

Проектируя человека?..

В начале этого текста шла речь о том, что в молодости Щедровицкий верил в науку, в научное мировоззрение. К концу 1980-х годов он посуровел и отказал науке в возможностях проектирования, программирования, предвидения будущего и т. д.⁵⁹ Скорее всего он прав. Ноосфера не состоялась! Но настораживает предлагаемая им альтернатива: «Методология <...> есть нравственность XX века и ближайших последующих веков, ибо жить по традиционной морали уже нельзя. <...> А как жить — непонятно. Приходится через мышление строить нравственность совершенно по-новому и потом ее использовать как временный склад морали»⁶⁰.

Но ведь нечто подобное *мы уже проходили*. Нравственность не построить! Она, как совесть, если она есть, так она есть, а если нет, так — нет. На философском языке это называется безосновность. И здесь, к счастью, бессильно как научное, так и методологическое мышление. Самое простое было бы отнести приведенный и последующие пассажи Щедровицкого за счет «куража», но, к сожалению, кураж не случаен, как и он сам — не случайный носитель мышления и СМД-методологии. И дело даже не в претензиях СМД-методологии на тотальность. А дело в том, что на всех нас были и остаются лохмотья сталинской шинели. Когда перманентная революция не получилась, ее заменили перманентным воспитанием, впечатывавшим в нас советскую символику, мифологию, мистику. Хорошо известно, что распечатывание и разоблачение символов, ритуалов, схематизмов сознания, архетипов — это большой труд и положительный результат, т. е. достижение истины, не гарантирован. В СМД-методологии сохранялась, естественно, в трансформированном виде навязывавшаяся нам идеологическая ориентация человека в мире.

Подобная ориентация порождала и продолжает порождать идеи и проекты социально-педагогического проектирования образования в целом и конструирования человека. Приведу программу такого кон-

⁵⁹ Щедровицкий Г. П. Перспективы и программы развития СМД-методологии // Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 566.

⁶⁰ Там же.

структивизма, сформулированную Щедровицким: «Представление человека, в аспекте педагогических процессов формирования и изготовления его, дает основание не только для более эффективной практической точки зрения и не только для преобразования педагогической практики в конструктивно-техническую деятельность, но и для нового естественнонаучного представления “человека”, при котором он выступает как порождение системы обучения и воспитания, обладающее всеми теми свойствами и качествами, которые закладываются в него этими процессами <...> Вместе с тем очень важно и существенно, что естественнонаучные знания о “человеке”, с какой бы точки зрения они ни вводились и сколь бы сложными и синтетическими ни были, не могут заменить педагогических проектов “человека”. Поэтому, наряду с исследованием живущих сейчас и живших в прошлом людей, остается специальная деятельность педагогического проектирования “человека”»⁶¹. Но не только. «В системе педагогики появляется особая специальность педагога-проектировщика, разрабатывающего модель-проект человека будущего общества»⁶². И вполне логичное завершение: «вся система “инкубатора” в целом дает возможность формировать именно таких людей, какие нужны обществу»⁶³.

Прошу простить меня за избыточное цитирование, призванное показать, что речь идет не о случайных оговорках. Г. П. Щедровицкий был занятным картезианцем. Принцип *Cogito* он, видимо, склонен был в большей мере относить только к своему *ego*, а не к другим. И в его размышлениях о мышлении, деятельности, мыследеятельности и в размышлениях о воспитании явно недооценивалась человеческая субъективность, хотя на практике многих он учил и научил думать. Крайне резко и во многом справедливо оценивая весьма скромные успехи в решении психолого-педагогической наукой классической проблемы соотношения обучения и развития, он заключает: «...все и любые психологические знания о “человеке” до сих пор не могли дать знаний, необходимых для целенаправленного и сознательного формирования людей, обладающих заранее заданными свойствами и качеством»⁶⁴.

⁶¹ Щедровицкий Г. П. Система педагогических исследований (методологический анализ) // Педагогика и логика. М., 1993. С. 133.

⁶² Щедровицкий Г. П. Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 208.

⁶³ Там же. С. 209.

⁶⁴ Щедровицкий Г. П. Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследеятельности // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 129.

И, слава Богу, поскольку, благодаря этой своей некомпетентности, психологи просто не смогли внести сколько-нибудь существенный вклад в формирование «нового человека». Они были слишком академичны (может быть, слишком порядочны) для этого. Можно даже согласиться с тем, что психологи были слишком путанно академичны, порой и нарочито путанны. Ведь пока психологи не смогут договориться о том, что такое личность, она может чувствовать себя в безопасности. В таком деле можно не без удовольствия принять упрек в недостатке таланта. При желании и добром отношении к психологам такую неспособность можно интерпретировать как род их пассивного сопротивления.

* * *

Для того чтобы перестать ходить по кругу, системомыследеятельности многовато, а мыследеятельности явно маловато. К последней нужно добавить память и переживания, рождающие новые жизненные смыслы взамен утрачиваемых. В этом случае проектирование жизни становится ее *творением*. И творимая *жизнь* будет *жизнью*, а не *тенью суждений* (это мотив А. Белого). На практике Г. П. Щедровицкий это хорошо знал, что и привлекало к нему множество людей. Возможно, это объясняется тем, что Георгий Петрович Щедровицкий всю свою жизненную практику подчинял принципу: руководствоваться не какими бы то ни было реалистическими или мифическими функциями полезности, а сохранять верность самому себе. В 2003 году его школьный ученик В. А. Лефевр, ставший ныне маститым американским профессором, представил этот принцип в виде закона соответствия или закона само-рефлексии: человек генерирует такие образцы поведения, при которых устанавливается и сохраняется отношение подобия между субъектом и его моделью себя⁶⁵. Несколько мудрёно, но верно. Верность самому себе, к сожалению, не часто встречается. Г. П. Щедровицкий был одним из немногих, и мне посчастливилось быть с ним в дружбе.

⁶⁵ Лефевр В. А. Закон само-рефлексии: возможное общее объяснение трех различных психологических феноменов // Рефлексивные процессы и управление. 2003. Т. 3. № 1. С. 64–73.

Теоретический мир психологии

Казалось бы, в соответствии со здравым смыслом отношения между теорией, экспериментом, практикой должны быть взаимодополнительными. С этим трудно спорить. Вместе с тем мы часто слышим, что теории нам нужны лишь до тех пор, пока их не сменяют другие, лучшие теории; или — противоположное: если факты не соответствуют теории, тем хуже для фактов. На деле все не так просто. Теории не отмирают, а факты оказываются упрямыми. И те и другие достаточно долго живут независимо друг от друга и рано или поздно обогащают науку. В конце концов по собственной логике начинают строиться мир теории, мир эксперимента и мир практики. Поводом для моих размышлений о теоретическом мире психологии, в том числе и об отношении его к миру эксперимента, послужила книга Дэниела Н. Робинсона¹, профессора Джорджтаунского университета (США), — «Интеллектуальная история психологии», перевод которой на русский язык издан Институтом философии, теологии и религии св. Фомы (Москва). Настоящая статья — не рецензия, а именно размышления, навеянные этой интересной книгой.

* * *

Интеллектуальная история психологии есть история идей, т. е. вполне объективных интеллектуальных достижений — не менее объективных, чем научный метод или полученный с его помощью экспериментальный факт, эффект, феномен. Объективность идей и смыслов опасно недооценивать. Они подобны джину, выпущенному из бутылки. К сожалению, когда идея овладевает массами, она действительно становится материальной силой, т. е. превращается в свою противоположность, как мрачновато заметил И. Губерман. Идеи, как люди, живут и имеют свою судьбу. Вот что писал о жизни идеи М. М. Бахтин, анализировавший творчество

¹ Робинсон Д. Н. Интеллектуальная история психологии. М., 2005.